СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА И ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Статья поступила в редакцию: 02.10.2026
Статья принята к публикации: 07.10.2026
Статья опубликована: 21.10.2026

УДК 811.161.1’36:811.512.133’36

DOI: 10.32743/UniPhil.2026.148.10.23513

Грамматические формы как средство выражения прагматических значений в русском и узбекском языках

Мусаева Барно Муминжоновна
ст. преп. кафедры русского языка и литературы
Навоийский государственный университет
Республика Узбекистан, г. Навои
E-mail: barnomusayeva947@gmail.com

Grammatical forms as a means of expressing pragmatic meanings in Russian and Uzbek

Musaeva Barno Muminjonovna
senior Lecturer of the Department of Russian Language and Literature Navoi State University
Uzbekistan, Navoi

Аннотация

В статье рассматривается роль грамматических форм в передаче прагматического содержания в русском и узбекском языках. Цель исследования заключается в выявлении прагматических возможностей грамматических форм русского и узбекского языков и определении их роли в передаче намерения говорящего, отношения к собеседнику и особенностей речевой ситуации. Материалом послужили конструкции современного русского и узбекского языков, содержащие формы лица, числа, времени, наклонения, падежа и принадлежности. В ходе исследования использовались сопоставительный, контекстуальный и функционально-семантический методы. Анализ языкового материала показывает, что одна и та же грамматическая форма в разных речевых условиях может

Библиографическое описание: Мусаева Б.М. Грамматические формы как средство выражения прагматических значений в русском и узбекском языках // Universum: филология и искусствоведение : электрон. научн. журн. 2026. 10(148). URL: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/23513

выполнять неодинаковые функции. Множественное число, например, используется для выражения уважения, первое лицо множественного числа способно смягчать побуждение, условные формы помогают сделать просьбу менее категоричной, а формы принадлежности передают не только отношение обладания, но и значение сопричастности. При этом русский и узбекский языки нередко выражают близкое коммуникативное содержание разными средствами. Наиболее заметно это проявляется в уважительном обращении, выражении принадлежности и определённости объекта. Учет таких различий необходим при сопоставлении двух языков, в переводе и в практике их преподавания.

Abstract

The paper examines the role of grammatical forms in conveying pragmatic meaning in Russian and Uzbek. The aim of the study is to identify the pragmatic potential of grammatical forms in Russian and Uzbek and to determine their role in conveying the speaker’s intention, attitude toward the interlocutor, and specific features of the speech situation. The material includes constructions of contemporary Russian and Uzbek containing forms of person, number, tense, mood, case and possession. Comparative, contextual and functional-semantic methods are used. The analysis shows that the same grammatical form may perform different functions under different communicative conditions. Plural forms, for example, may express respect; the first-person plural may soften an instruction; conditional forms may make a request less categorical; and possessive forms may convey not only possession but also a sense of affiliation. Russian and Uzbek often express similar communicative meanings by different grammatical means. This is particularly evident in polite forms of address, possession and object definiteness. These differences should be taken into account in comparative studies, translation and language teaching.

Ключевые слова: грамматическая форма, прагматика, речевая ситуация, категория лица, наклонение, вежливость, русский и узбекский языки.

Keywords: grammatical form, pragmatics, speech situation, person, mood, politeness, Russian and Uzbek languages.

Введение

В повседневной речи человек обычно не задумывается, почему в одном случае он говорит «*ты*», а в другом – «*Вы*», почему прямое «*сделайте*» иногда заменяет на «*давайте сделаем*», а вместо *«повторите»* выбирает более мягкое «*не могли бы Вы повторить?»* С точки зрения грамматики перед нами разные формы и конструкции. Но для общения не менее важно другое: каждая из них по-разному выстраивает отношения между говорящим и собеседником.

Именно здесь грамматика тесно соприкасается с прагматикой. Значение формы уже нельзя объяснить только категориями лица, числа, времени или наклонения. Приходится учитывать, кто говорит, к кому обращена речь, насколько близки собеседники, какова ситуация и какого результата хочет добиться говорящий. В современной прагмалингвистике эти факторы рассматриваются как существенная часть анализа речевого общения [1, с. 145].

Такой взгляд позволяет иначе подойти и к самой грамматике. Важно не только то, какое значение закреплено за формой в языковой системе, но и то, что происходит с этим значением в конкретном высказывании. Часть смысла может прямо не называться, однако собеседник без труда восстанавливает её из контекста, выбранной конструкции и предполагаемого намерения говорящего. На взаимодействии семантического содержания и прагматической интерпретации строятся многие случаи непрямой коммуникации [4, с. 139].

При сопоставлении русского и узбекского языков эта сторона грамматики особенно заметна. Оба языка позволяют выразить уважение, просьбу, требование, дистанцию, близость, уверенность или сомнение, но грамматическое оформление этих значений не всегда совпадает.

Причина отчасти связана с устройством самих языков. В русском языке одна словоформа может совмещать несколько грамматических характеристик. В узбекском языке грамматические показатели чаще последовательно присоединяются к основе. Поэтому значения лица, числа, принадлежности и падежа получают более отчётливое аффиксальное выражение.

Вместе с тем различие в строении языков не мешает им решать сходные коммуникативные задачи. Русское «*Давайте начнём*» и узбекское «*Keling, boshlaymiz*» построены неодинаково, но в обычной ситуации обе конструкции помогают пригласить собеседника к совместному действию, не превращая побуждение в жёсткий приказ.

Для узбекского языкознания обращение к подобным явлениям также становится всё более актуальным. При прагмалингвистическом анализе учитываются речевая ситуация, личность участников общения, коммуникативная стратегия и намерение говорящего [11, с. 134]. Исследование узбекского глагола показывает, что его формы могут передавать не только собственно грамматическое содержание, но и социальные, стилистические и коммуникативные оттенки [6, с. 50].

В данной работе под прагматическим значением понимается дополнительный смысл, который возникает у грамматической формы в определённой ситуации общения и связан с отношением говорящего к собеседнику, сообщаемому или самому речевому действию.

Цель исследования – рассмотреть, как грамматические формы русского и узбекского языков участвуют в передаче прагматических значений, и определить сходства и различия в их употреблении. Для этого необходимо обратиться к формам лица и числа, проследить их роль в выражении уважения и социальной дистанции, рассмотреть прагматические возможности наклонения и времени, а также сопоставить отдельные падежные и притяжательные конструкции двух языков.

Материалы и методы

Материал исследования составили конструкции современного русского и узбекского языков, употребляемые в бытовой, учебной и официальной речи. В первую очередь рассматривались примеры, в которых грамматического значения формы недостаточно для полного понимания того, что хочет сказать говорящий.

Возьмём простую фразу преподавателя: - *Мы сейчас открываем тетради.* Формально здесь использовано первое лицо множественного числа. Но преподаватель может и не совершать обозначенное действие. Фактически его слова адресованы учащимся и означают примерно то же, что «*Откройте тетради*». Если анализировать только грамматическое лицо, эта особенность останется за пределами описания.

Поэтому основным в работе стал сопоставительный анализ, при котором сравнивались не отдельные окончания или аффиксы, а способы их функционирования в речи. Для русского и узбекского языков такой подход удобен ещё и потому, что одна коммуникативная задача нередко решается формально разными средствами.

Контекстуальный анализ использовался там, где интерпретация формы непосредственно зависела от ситуации. Функционально-семантический анализ позволил сопоставить конструкции, различные по своему строению, но близкие по выполняемой функции. Такой подход соответствует прагмалингвистическому пониманию речи, при котором значение языковой единицы рассматривается вместе с коммуникативной ситуацией и намерениями участников общения [11, с. 134–135].

При разборе примеров учитывались сама грамматическая форма, условия её употребления, намерение говорящего и тот смысл, который получает высказывание для адресата.

Результаты и обсуждение

Формы лица и числа в общении. Связь грамматики с отношениями между собеседниками особенно хорошо видна на примере личных форм.

Русские местоимения *«ты и Вы»* указывают на адресата, однако их употребление определяется не только категорией числа. При обращении к одному человеку возможны обе формы: *Ты уже прочитал документ?*
Вы уже ознакомились с документом? В обоих случаях речь идёт об одном адресате, однако выбор местоимения отражает характер отношений между собеседниками. Форма «*Вы*» обычно используется для выражения уважения, в официальном общении или при сохранении определённой дистанции между участниками разговора.

Очень близкое противопоставление существует в узбекском языке: Sen keldingmi? Siz keldingizmi? Обе фразы могут быть адресованы одному человеку. Во втором случае уважительное отношение выражается не только местоимением «*siz*», но и формой сказуемого «keldingiz». Получается, что множественность здесь перестаёт быть только количественной характеристикой. Грамматическая форма начинает показывать, как говорящий воспринимает свои отношения с адресатом.

В узбекской речи подобные функции морфологических средств проявляются довольно отчётливо. Формы глагола способны передавать особенности речевого поведения и социальные отношения участников коммуникации [6, с. 50–52].

Если формы второго лица позволяют передать характер отношений между собеседниками, то первое лицо множественного числа может выполнять несколько иную прагматическую функцию. Например, на уроке преподаватель говорит: *«Открываем тетради»*. Формально говорящий включает в действие и себя, хотя фактически побуждение

адресовано учащимся. По сравнению с прямой формой *«Откройте тетради»* такое высказывание звучит менее категорично и создаёт ощущение совместного действия. Тем самым выбор грамматического лица становится одним из способов смягчения побуждения.

Похожую ситуацию можно наблюдать в узбекском языке: «*Daftarlarni ochamiz»*. Сравним также: *«Начинаем работать»* – «Ishni boshlaymiz». «*Записываем тему»* – «*Mavzuni yozamiz»*. В таких репликах говорящий не отделяет себя от слушателей, а как бы присоединяется к ним. За счёт этого обычное грамматическое *«мы»* получает дополнительный оттенок совместности.

Повелительная форма: приказ, просьба или приглашение? Если исходить только из грамматического определения, повелительное наклонение обозначает побуждение к действию. Однако в разговоре одного этого определения недостаточно. Сравним: *Уйдите отсюда. Проходите. Возьмите ещё конфет. Позвоните мне, пожалуйста.* Форма глагола во всех случаях повелительная, но первое высказывание может быть приказом, второе – приглашением, третье – предложением, четвёртое – просьбой.

То же можно увидеть в узбекском языке: *Kiring. – «Входите». O‘tiring. – «Садитесь». Oling. – «Возьмите». Ayting. – «Скажите».*

Когда хозяин дома говорит гостю *«Kiring, o‘tiring»*, трудно воспринимать эти слова как приказ. В данной ситуации они выражают приглашение и вежливое отношение к гостю.

Меняется и оттенок при выборе формы: «*Kel!», «Keling!»*. Обе формы связаны с одним действием, однако «keling» позволяет обратиться к одному человеку уважительно. В русском языке функционально близкое различие можно увидеть в паре: *«Приходи!», «Приходите!»*.

Следовательно, сама повелительная форма ещё не говорит нам, имеем ли мы дело с приказом, просьбой, советом или приглашением. Это становится понятно только в конкретной ситуации. Такой переход от буквального содержания формы к подразумеваемому коммуникативному смыслу непосредственно связан с механизмами прагматической интерпретации [4, с. 140].

Почему просьба становится мягче. Особенно заметно влияние грамматического выбора в просьбах. Допустим, человеку нужно, чтобы собеседник повторил сказанное. Он может произнести: *«Повторите»*. Можно добавить: *«Повторите, пожалуйста»*. Но возможен и другой вариант: *«Не могли бы Вы повторить?»*

Последняя фраза построена как вопрос. Если понимать её буквально, говорящий спрашивает, способен ли собеседник повторить сказанное. На практике ответ *«Да, мог бы»* без самого повторения выглядел бы странно. Адресат понимает, что перед ним просьба.

В современном русском языке вопросительные и модальные конструкции действительно активно используются для оформления косвенных просьб. Их выбор связан в том числе с желанием уменьшить давление на адресата [12, с. 151].

С этим же связано употребление частицы бы: «*Я хотел бы уточнить»*. «*Не могли бы Вы объяснить ещё раз?»* «*Было бы хорошо обсудить этот вопрос»*. Желаемое действие не предъявляется как прямое требование. Оно как будто переводится в область возможности, и просьба звучит мягче.

Узбекская речь также позволяет использовать условную форму для подобного эффекта: «Aytsangiz…», «Ko‘rib chiqsangiz…». В подходящей ситуации собеседник воспринимает эти формы не просто как обозначение условия, а как вежливое «*скажите, пожалуйста» или «посмотрите, пожалуйста»*. Здесь хорошо видно, как грамматическое значение становится основой другого, уже прагматического смысла.

В грамматике категория времени обычно рассматривается через отношение действия к моменту речи. Однако в реальном общении выбор временной формы может зависеть и от того, как говорящий представляет событие. Например:

«Завтра я уезжаю».

Действие относится к будущему, однако выражено формой настоящего времени. В данном случае эта форма позволяет представить отъезд как заранее намеченное и уже определённое событие.

Иная ситуация наблюдается в высказывании:

«Захожу я вчера в аудиторию и вижу…»

Событие относится к прошлому, но рассказчик использует формы настоящего времени. Такой приём приближает описываемое событие к моменту повествования и делает рассказ более непосредственным и динамичным.

В этих случаях грамматическое время не только указывает на соотношение события с моментом речи, но и позволяет говорящему определённым образом представить его собеседнику. Выбор временной формы позволяет представить событие как заранее намеченное, приблизить его к моменту речи или придать рассказу большую выразительность.

В современных лингвистических исследованиях также обращается внимание на то, что грамматические формы позволяют по-разному представить одно и то же событие [8, с. 15].

В узбекском языке система временных форм имеет свои особенности, однако их употребление также не ограничивается указанием на время действия. Например, в высказывании *«Ertaga Toshkentga ketyapman» («Завтра я еду в Ташкент»)* используется форма настоящего времени *«ketyapman»*, хотя действие относится к будущему. В данном случае форма не просто указывает на действие, а позволяет представить поездку как уже намеченную и достаточно определённую. Прагматическое значение проявляется именно в том, как говорящий представляет будущее событие собеседнику – не как отвлечённую возможность, а как принятое решение или имеющийся план. Здесь выбор временной формы зависит не только от времени действия, но и от того, какой смысл говорящий хочет передать собеседнику. Подобное употребление узбекских глагольных форм с учётом ситуации общения рассматривается и в современных исследованиях [6, с. 50].

Падеж и конкретизация объекта. Различия между русским и узбекским языками отчётливо проявляются в оформлении прямого объекта. В узбекском языке его падежная форма может быть связана со степенью определённости. Сравним: *«kitob o‘qidim»*, «kitobni o‘qidim». Во втором примере существительное «kitob» получает показатель винительного падежа **-ni**. Форма *«kitobni»* обычно обозначает конкретный, определённый объект – например, *книгу*, которая уже упоминалась в разговоре или известна собеседникам. В конструкции «kitob o‘qidim» объект представлен менее определённо.

В русском языке подобное различие не имеет такого же морфологического выражения. В предложении *«Я прочитал книгу»* существительное книгу стоит в винительном падеже независимо от того, известна эта книга собеседнику или упоминается впервые. Если необходимо подчеркнуть её определённость, используются дополнительные средства, например указательное местоимение:

Я прочитал эту книгу.

Итак, сходное содержание в двух языках оформляется по-разному: в узбекском языке определённость прямого объекта может выражаться морфологически при помощи показателя **-ni**, тогда как в русском языке она чаще определяется контекстом или уточняется лексически.

При этом функции падежа не сводятся только к формальному выражению синтаксической связи. Исследования русского материала показывают, что падежные формы могут быть связаны и со способом представления участников ситуации в дискурсе [8, с. 15]. Это важно учитывать при сопоставлении языков: близкое коммуникативное содержание не обязательно предполагает одинаковый грамматический способ его выражения.

Прагматические функции форм принадлежности. В узбекском языке принадлежность выражается с помощью специальных аффиксов: kitobim – моя книга; kitobingiz – Ваша книга; uyimiz – наш дом; universitetimiz – наш университет.

В русском языке те же отношения обычно передаются сочетанием притяжательного местоимения с существительным. Однако и в русском, и в узбекском языке значение принадлежности не всегда сводится к обладанию каким-либо предметом. Например, *«сочетания наш университет»* и *«universitetimiz»* не означают, что университет принадлежит говорящему. В данном случае речь идёт о его принадлежности к определённому сообществу, о связи человека с учреждением, в котором он учится или работает.

Подобный смысл возникает и в других сочетаниях: *наш город – shahrimiz; наша страна – mamlakatimiz; наша школа – maktabimiz.* В таких случаях значение принадлежности становится шире: говорящий подчёркивает свою связь с определённым сообществом.

Показательна и узбекская форма «kitobingiz». Она обозначает принадлежность книги адресату, но одновременно содержит показатель *-ingiz,* связанный с уважительным обращением. Поэтому одна словоформа может не только называть отношение принадлежности, но и передавать характер отношений между участниками общения. Такое употребление показывает, что прагматический смысл грамматической формы раскрывается только в контексте и во взаимодействии с конкретной речевой ситуацией [11, с. 134].

Одна коммуникативная цель – разные способы её выражения. Одна и та же коммуникативная задача может быть оформлена по-разному в зависимости от того, насколько прямо говорящий намерен воздействовать на собеседника. Например, если необходимо попросить коллегу завершить работу сегодня, возможны несколько вариантов: *«Сделайте это сегодня»*, *«Вы могли бы сделать это сегодня?»*, *«Давайте постараемся сделать это сегодня»*. Практическая цель этих высказываний близка, однако степень категоричности различается. Форма «Сделайте» выражает побуждение наиболее прямо. Вопросительная конструкция «Вы могли бы сделать это сегодня?» позволяет представить требуемое действие

как возможность и тем самым смягчить просьбу. В варианте «Давайте постараемся сделать это сегодня» говорящий формально включает себя в совместное действие, благодаря чему побуждение воспринимается менее категорично.

Сходные способы выражения можно наблюдать и в узбекском языке: *«Bugun qiling. Bugun qilib bera olasizmi? Keling, bugun bajarishga harakat qilamiz»*. Здесь также меняется не сама коммуникативная цель, а способ её выражения и степень воздействия на адресата.

Исследования русских конструкций просьбы показывают, что модально-вопросительные формы могут использоваться для косвенного побуждения и снижения категоричности [12, с. 151]. В подобных случаях буквальное содержание предложения не полностью совпадает с его реальной коммуникативной функцией [4, с. 139].

Таблица 1. Грамматические формы и их возможные функции в общении

Грамматическая форма	**Русский язык**	**Узбекский язык**	**Возможное значение в речи**
Первое лицо множественного числа	Начинаем работу	Ishni boshlaymiz	совместность, смягчение побуждения
Второе лицо множественного числа	Вы сделали?	Siz qildingizmi?	уважение, социальная дистанция
Императив	Проходите	Kiring	приглашение
Императив	Сделайте сегодня	Bugun qiling	прямое побуждение
Условная (модальная) форма	Не могли бы Вы…	…qilsangiz	смягчение просьбы
Форма принадлежности	наш университет	universitetimiz	Принадлежность к сообще-ству
Оформление объекта	эту книгу	kitobni	конкретизация объекта

Приведённые примеры показывают, что одна грамматическая форма не всегда связана только с одной прагматической функцией. Её значение может меняться в зависимости от ситуации общения, отношений между собеседниками и цели высказывания.

Например, *«Проходите!»* может звучать как доброжелательное приглашение, а *«Проходите быстрее!»* – уже как настойчивое требование. Узбекское *«O‘tiring»* также может передавать разные оттенки: его восприятие зависит от того, кто говорит, к кому обращены эти слова и в какой ситуации происходит общение.

Прагматическое значение нельзя определить только по самой грамматической форме. Чтобы понять смысл высказывания, необходимо учитывать контекст, отношения между собеседниками и намерение говорящего. Именно поэтому в прагмалингвистике языковая единица рассматривается в связи с условиями, в которых она употребляется [1, с. 145].

Это особенно важно при изучении второго языка. Недостаточно знать, как образуются узбекское *«keling»* или *«русское»* приходите. Важно понимать, когда уместно сказать «*kel*», а когда – «*keling*», почему выражение «не могли бы Вы…» воспринимается как вежливая просьба и чем «давайте сделаем» отличается от более прямого «сделайте».

В этом случае грамматика предстаёт не просто как набор форм и правил, а как средство, с помощью которого говорящий выражает своё намерение и выстраивает общение с собеседником.

Заключение

Рассмотренные примеры показывают, что грамматические формы русского и узбекского языков в речи приобретают дополнительные прагматические значения. Их выбор зависит от ситуации общения, намерения говорящего и характера отношений между собеседниками.

Особенно заметно это в формах лица, числа, наклонения и принадлежности. Первое лицо множественного числа может создавать ощущение совместного действия и смягчать побуждение, форма множественного числа при обращении к одному человеку – выражать уважение или дистанцию. Императив, условные и модальные конструкции позволяют передавать просьбу, приглашение, совет или требование с разной степенью категоричности.

В русском и узбекском языках сходные коммуникативные намерения нередко выражаются разными грамматическими средствами. Это важно учитывать при переводе и преподавании языков, поскольку формально близкие конструкции не всегда передают одинаковые смысловые оттенки.

Сопоставление двух языков показывает, что грамматика служит не только для построения высказывания, но и помогает говорящему выражать своё намерение, отношение к собеседнику и особенности конкретной ситуации общения.

Список литературы

1. Арланова Т.Л. Объект лингвистической прагматики и аспекты современных прагматических исследований // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2022. – Т. 28, № 2. – С. 144–151. – DOI: 10.18287/2542-0445-2022-28-2-144-151.
2. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л.: Наука, 1987. – 348 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – 4-е изд. – М.: Русский язык, 2001. – 720 с.
4. Киклевич А.К. Типология прагматических импликаций с точки зрения взаимодействия между прагматикой и семантикой // Russian Journal of Linguistics. – 2022. – Т. 26, № 1. – С. 139–161. – DOI: 10.22363/2687-0088-26538.
5. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. – 3-е изд. – М.: Высшая школа, 1998. – 272 с.
6. Тошпулатов А.М., Мирзохидова М.И. Toshpo‘latov A.M., Mirzohidova M.I. Pragmatic features of verbs in Uzbek language // JournalNX: A Multidisciplinary Peer Reviewed Journal. – 2023. – Т. 9, № 7. – P. 50–56. – DOI: 10.17605/OSF.IO/U2RW7.
7. Comrie B. Language Universals and Linguistic Typology: Syntax and Morphology. – 2nd ed. – Chicago: University of Chicago Press, 1989. – 264 P.
8. Janda L.A., Fidler M. Cvrček V., Obukhova A. The case for case in Putin’s speeches // Russian Linguistics. – 2023. – Т. 47. – P. 15–40. – DOI: 10.1007/s11185-022-09269-2.
9. Kolyaseva A. The divergent paths of pragmaticalization: The case of the Russian particles tipa and vrode // Journal of Pragmatics. – 2022. – Т. 201. – P. 181–196. – DOI: 10.1016/j.pragma.2021.08.003.

10. Tsoy E. Functions of Russian verb-derived discourse markers slušaj and smotri from the perspective of information management and interpersonal regulation // Journal of Pragmatics. – 2022. – T. 193. – P. 105–121. – DOI: 10.1016/j.pragma.2022.03.010.
11. Xamidov A.K. O‘zbek tilshunosligida pragmalingvistikaning tadrijiy taraqqiyoti // Tamaddun Nuri. – 2024. – № 11 (62).
12. Zhamaletdinova E. The trajectory of the “Možno ja X?” construction: variation in speech acts of request in contemporary Russian // Russian Linguistics. – 2022. – T. 46. – P. 133–164. – DOI: 10.1007/s11185-022-09265-6.

References

1. Arlanova T.L. Ob«ekt lingvisticheskoy pragmatiki i aspekty sovremennykh pragmaticheskikh issledovaniy [The object of linguistic pragmatics and aspects of contemporary pragmatic research]. Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya. 2022. Vol. 28, no. 2. P. 144–151. DOI: 10.18287/2542-0445-2022-28-2-144-151. (In Russ.).
2. Bondarko A.V. Teoriya funktsional'noy grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis [Theory of Functional Grammar: Introduction. Aspectuality. Temporal Localization. Taxis]. Leningrad: Nauka, 1987. 348 P. (In Russ.).
3. Vinogradov V.V. Russkiy yazyk (grammaticheskoe uchenie o slove) [The Russian Language: Grammatical Theory of the Word]. 4th ed. Moscow: Russkiy yazyk, 2001. 720 P. (In Russ.).
4. Kiklevich A.K. Tipologiya pragmaticheskikh implikatsiy s tochki zreniya vzaimodeystviya mezhdu pragmatikoy i semantikoy [Typology of pragmatic implications from the perspective of interaction between pragmatics and semantics]. Russian Journal of Linguistics. 2022. Vol. 26, no. 1. P. 139–161. DOI: 10.22363/2687-0088-26538. (In Russ.).
5. Maslov Yu.S. Vvedenie v yazykoznanie [Introduction to Linguistics]. 3rd ed. Moscow: Vysshaya shkola, 1998. 272 P. (In Russ.).
6. Toshpo‘latov A.M., Mirzohidova M.I. Toshpo‘latov A.M., Mirzohidova M.I. Pragmatic features of verbs in Uzbek language. JournalNX: A Multidisciplinary Peer Reviewed Journal // JournalNX: A Multidisciplinary Peer Reviewed Journal. – 2023. – Vol. 9, No. 7. – P. 50–56. – DOI: 10.17605/OSF.IO/U2RW7.
7. Comrie B. Language Universals and Linguistic Typology: Syntax and Morphology. 2nd ed. – Chicago: University of Chicago Press, 1989. – 264 P.
8. Janda L.A., Fidler M., Cvrček V., Obukhova A. The case for case in Putin’s speeches. Russian Linguistics. 2023. Vol. 47. P. 15–40. DOI: 10.1007/s11185-022-09269-2.
9. Kolyaseva A. The divergent paths of pragmaticalization: The case of the Russian particles tipa and vrode // Journal of Pragmatics. – 2022. – Vol. 201. – P. 181–196. – DOI: 10.1016/j.pragma.2021.08.003.
10. Tsoy E. Functions of Russian verb-derived discourse markers slušaj and smotri from the perspective of information management and interpersonal regulation // Journal of Pragmatics. – 2022. – Vol. 193. – P. 105–121. – DOI: 10.1016/j.pragma.2022.03.010.

11. Xamidov A.K. O‘zbek tilshunosligida pragmalingvistikaning tadrijiy taraqqiyoti [Gradual development of pragmalinguistics in Uzbek linguistics]. Tamaddun Nuri. 2024. No. 11 (62). P. 133–135.
12. Zhamaletdinova E. The trajectory of the “Možno ja X?” construction: variation in speech acts of request in contemporary Russian. Russian Linguistics. 2022. Vol. 46. P. 133–164. DOI: 10.1007/s11185-022-09265-6.